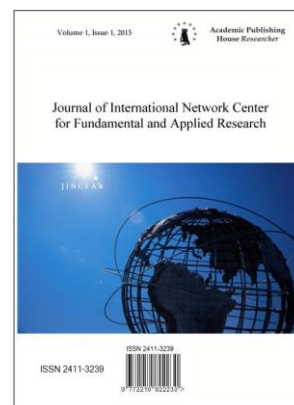

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Journal of International Network Center
for Fundamental and Applied Research
Has been issued since 2014.
ISSN 2411-3239
E-ISSN 2413-7588
Vol. 8, Is. 2, pp. 104-111, 2016

DOI: 10.13187/jincfar.2016.8.104
www.ejournal36.com

UDC 94(47) «1931/1939»

Letters to the Power: the Potential for the Study of the History of Emotions During the Stalin Era*

Irina G. Tazhidinova

Kuban State University, Russian Federation
Kuban Naberezhnaya Str., 4, Krasnodar city 350063
PhD (History)
E-mail: tajidinova@yandex.ru

Abstract

Increased interest in the study of emotions in the Russian historical science requires clarification source base. This article analyzes the possibilities of letters of Soviet citizens the power to explore the «emotional history» of the Stalin era. Emphasis is placed on the correspondence, which was prepared by the leaders (V.M. Molotov, M.I. Kalinin and others) by provincial residents in the 1930s. Soviet people through letters leaders not only shared with them negative emotions about the shortcomings of reality and its unenviable position in it, but also purposefully or incidentally, told them about their dreams. Important among these is the so-called «joy», which, according to the letters, was in short supply.

Keywords: the history of emotions, epistolary sources, pre-war decade, the Soviet people, the leaders, everyday life, emotional distress, grief, happiness, joy.

Введение

Замечено, что тридцатые годы отечественной истории XX века вызывают не только острые научные и политические дискуссии, но и «сложные противоположные чувства гордости и восхищения, страха и унижения» [1]. Такое смешанное глубоко эмоциональное отношение наших современников (в том числе и многих историков) к предвоенному десятилетию обусловлено событийной насыщенностью и драматизмом повседневной жизни в советском социуме в данный период. Можно предположить, что душевные переживания самого советского человека 1930-х гг., находившиеся под прямым или косвенным воздействием коренных перемен в политической, социальной, экономической, культурной сферах общества, были не менее разнообразными, сложными, противоречивыми. Они, в свою очередь, определяли степень его участия в преобразованиях сталинской эпохи, т.е. внутреннее их принятие (либо отторжение) и соответствующую сложившейся позиции активность (либо пассивность). В конечном итоге, они, на наш взгляд, имели касание к тому,

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 14-01-00239 а – «Чувства под контролем: повседневность провинциального города 1920–1930-х гг. в ракурсе культурной истории эмоций».

насколько человек мог быть счастлив (чувствовал себя счастливым) в тех условиях, в которых ему довелось существовать в 30-е гг. XX века.

Безусловно, стоит иметь в виду распространившееся в современной историографии мнение «о раздвоенности общественного сознания советских людей, когда с одной стороны публично, и во многом искренне, выражалась поддержка политики и действий власти, с другой – [имело место] внутреннее скрытое, публично не выраженное, неприятие этой политики» [2]. Но, даже разделяя в целом это мнение, вряд ли можно считать разработанным вопрос о настоящих эмоциональных реакциях и переживаниях советских людей 1930-х гг. Без его исследования (и, в более широком смысле, без изучения истории эмоций сталинской эпохи) трудно проникнуть в мотивы и содержание повседневных практик советских людей в судьбоносное для развития страны время, судить об искренности (или же, напротив, лицемерии) их порывов. Цель «сталинской индивидуации», которую О.В. Хархордин подчеркивает в партийном дискурсе 1930-х гг., состояла в предоставлении советскому человеку возможности «проявить себя», что в современном словаре русского языка означает «обнаруживать какие-либо свои внутренние свойства, чувства» [3]. То, зачем это нужно было власти, – не есть главная тема работы Хархордина. А вот то, насколько эти чувства, действительно, были личными – это один из центральных вопросов, поставленных в данном исследовании. Рассматривая сопряженную проблему, а, точнее, пытаясь найти источники для ее дальнейшего прояснения, мы обратили внимание на эпистолярные документы. Между прочим, Хархордин увидел их потенциал в том, что в данный период именно в письмах (и еще в частных дневниках) запечатлелись «исповедные практики» русского человека, на тот момент находившиеся в упадке, «ушедшие со сцены на периферию сталинского общества» [4].

Обсуждение

Признанные теоретики истории эмоций фокусируют внимание на нормативности эмоциональных установок общества или определенной социальной среды. В то же время, сама возможность преодоления социальных структур находится как раз на эмоциональном уровне, в не подвластных полному контролю эмоциональных реакциях. Такова, в частности, суть подхода к изучению эмоций американского историка и антрополога Уильяма Редди, рассматривающего эмоциональность (реализацию и выражение эмоций) как перформативные акты, в процессе которых может происходить как аффирмативная (утвердительная, положительная), так и субверсивная (подрывная, разрушительная) реакция на нормативные установки [5]. Вопрос же о том, почему для выражения эмоций выбирается определенный жанр, по мнению Б. Розенвейн, многое может сообщить об исследуемом обществе [6].

Как известно, в сталинскую эпоху широко распространились обращения советских граждан к власти, имевшие форму писем, заявлений, жалоб, доносов, прошений и пр. Составители одного из самых солидных сборников документов такого рода отмечают: «В России традиция апеллирования к верховной власти напрямую, без посредников опирается на челобитенную и петиционную культуру, имеющую длительную историю и глубокие корни. При этом обращение к власти посредством письма предусматривает и выбор определенной стратегии, рассчитанной на достижение максимальной эффективности апелляции. Эти стратегии могли быть весьма разнообразными и варьироваться в широком спектре – от лести до угроз» [7]. Уже из данного резюме следует, что обращения советских людей во властные структуры передавали их эмоциональный настрой разнообразно и разнопланово, порой весьма отчетливо и даже ярко (хотя рутинных, сухих, сугубо официальных апелляций во власть, разумеется, тоже достаточно).

Несмотря на то, что для большей части подобной корреспонденции свойственна негативная тональность (что не удивительно, т.к. среди писем, в большинстве своем, жалобы и прошения), однако не такой уж редкостью были выражения уважения, почитания, любви (особенно они распространены в корреспонденции, адресованной вождям). На основании последних некоторые исследователи делают, на наш взгляд, излишне прямолинейные и всеобъемлющие заключения о «подлинной искренности и теплоте» обращения рядовых граждан к своим представителям во власти, «искренней вере в справедливость политических действий государства и его органов, доверии к партии и ее вождям» [8]. Думается, для столь

монолитных выводов поводов недостаточно, поскольку интерпретация заключенного в текстах и читаемого «между строк» материала, анализ типичной структуры посланий (как правило, текст письма распадается на части, как будто «трещинами» отделяющие друг от друга приветствия-похвалы в адрес власти и прямые либо завуалированные претензии к ней же) – все это заставляет усомниться в такого рода гармонии.

Напротив, более-менее продолжительное чтение корреспонденции такого рода (а на некоторые письма их авторы явно не пожалели времени, бумаги и душевных сил) рождает ощущение пропасти между народом и властью, почти исчерпанности кредита последней. Иногда отчаявшиеся корреспонденты указывают на эту пропасть прямо, без обиняков, как, например, рабочий, недовольный нараставшим в 1936/1937 гг. кризисом снабжения: «...Какой контраст, там в Кремле, и у нас в Ростове очереди, как небо и земля» [9]. Прозрение о том, что представители верхнего слоя большевистской партии обеспечили себе безбедную жизнь и не обеспокоены проблемами простого народа, сквозит в письме «старого большевика» Николая Семеновича Кратюка В.М. Молотову (письмо датировано сентябрем 1935 г.), поневоле осевшего после бурного революционного прошлого («10 лет тюрьмы, 7 лет ссылки и 2,5 лет партизанства») в краю ссылных – городе Минусинске Красноярского края. Кратюк излагает Молотову свой жесткий «укор» власти, «...потому, чтобы Вы узнали, ложась спать в теплой, удобной квартире, без мысли: что же завтра есть, вспомнили Кратюка в Сибири, застрявшего в ссылке, который (не один, а целой семьей) в процессе II стадии чахотки угасает от недоедания, того Кратюка, который долгие годы тюрьмы, ссылки, сопок голодал, мерз и наживал болезни». Представление о душевном состоянии корреспондента складывается и по приведенной в письме Молотову сцене: «В комнате перед моей кроватью висят два портрета: Ваш и Сталина. Часто я подолгу смотрю на Вас и мысленно перебираю свои 25 лет. О чем я думаю, глядя на Вас, и что говорю вашим портретам – Вы не знаете» [10].

Обращает на себя внимание, что из эпистолярного наследия предвоенного десятилетия исследователями чаще всего используются именно письма советских людей, адресованные властям, вплоть до высшего звена (письма руководителям партии и центральных органов власти). Дело в том, что такого рода документы (заявления, жалобы, ходатайства, доносы и пр.) не трудно отыскать в фондах архивов, кроме того, массивы подобной корреспонденции уже опубликованы в специальных сборниках. Как отмечает Ш. Фицпатрик, «этот канал связи между гражданами и государством функционировал лучше всех», и советские люди постепенно превратились в «больших мастеров по части писания писем властям» [11]. Фицпатрик акцентирует «задачу контроля двоякого рода», решению которой служили такие письма: с их помощью население отчасти могло контролировать бюрократию, но и режим получал возможность таким образом собирать информацию о гражданах [12]. Действительно, письма во власть притягательны для историков в двух аспектах: как свидетельства доверия советских людей к власти, но и как тот канал, который предоставлял власти практически безграничные возможности получить важные сведения о различных сторонах повседневной жизни в СССР, проверить «свой» народ на идейную преданность, а в итоге – манипулировать общественными настроениями.

Личные письма советских граждан вождям заслуживают специального рассмотрения. Во-первых, они демонстрируют стремление найти справедливость в самых высоких инстанциях; безусловно, к руководителям партии и центральных органов власти люди, в большинстве своем, обращались в наиболее сложных, критических, практически безвыходных ситуациях. Во-вторых, поток такой корреспонденции был поистине масштабным, хотя измерить его не представляется возможным [13]. Высшей апелляционной инстанцией выступали И.В. Сталин и В.М. Молотов, Ю.М. Каганович и М.И. Калинин, Г.К. Орджоникидзе и А.А. Жданов, И.А. Акулов и В.Я. Чубарь, другие представители высшего эшелона власти (примечательно, что ряд вождей, которым слезно писали граждане по вопросам «жизни и смерти», сами не пережили 30-х годов, оказались репрессированы, как, например, Чубарь и Акулов, или же свели счеты с жизнью, как Орджоникидзе). Есть сведения, что Калинин – один из наиболее популярных адресатов писем граждан – за 1923–1935 гг. получил более полутора миллионов письменных и устных ходатайств. Жданову, согласно тщательным подсчетам его канцелярии, в 1936 г. приходило в среднем 130 писем в день [14].

Спектр тем и проблем повседневной жизни, которые запечатлела корреспонденция во властные структуры, поистине огромен. Но возникает вопрос, насколько она приоткрывает эмоциональный мир советского человека? Российские историки все еще очень редко ставят перед собой задачи из области исследования истории эмоций, тем не менее, в ряде работ, основанных в том числе на эпистолярных источниках, вольно или невольно затрагивается и «эмоциональная» проблематика. Так, Е.А. Осокина, поставившая целью своей монографии разглядеть «за фасадом “сталинского изобилия”» повседневные реалии снабжения городов и сел СССР периода первых пятилеток, использовала письма их жителей как «чуткий камертон настроения населения» [15]. Стоит заметить, что автором привлекались письма, в свое время прошедшие перлюстрацию НКВД. На контрасте к знаменитому утверждению Сталина образца 1935 г. («Жить стало лучше, жить стало веселее») приведем вслед за Осокиной «говорящую» цитату из письма рабочего, датированного 1936 г.: «Стало жить весело [*подчеркнуто нами – И.Т.*] – целыми днями стоим в очередях за хлебом» [16]. Трудно не заметить, что цитируемые в данной монографии фрагменты писем советских граждан фиксируют дефицит положительных эмоций.

То, что большая часть корреспонденции, адресованной в 30-е гг. во властные структуры, отражает негативные эмоции, естественно, поскольку это были, в основном, жалобы и прошения граждан. Причем во многих посланиях есть указание на длительность испытываемой эмоции (горя, печали, гнева и др.), ее не ситуативный, а хронический характер. Вообще разочарование и безысходность выступают как основной лейтмотив многих писем. Как можно отследить, такие настроения зачастую возникали по причине дезориентации (своего рода «ножниц»), наступавшей из-за неумеренного декларирования успехов в масштабе страны и реально ощущаемого собственного (и миллионов других подобных) прозябания на обочине жизни. «Я читаю газеты и знаю, что наша родина богата и имеет все, что угодно, но я не понимаю, отчего тогда у нас нет самого необходимого для жизни» – недоумевала в своем письме В.А. Молотову домашняя хозяйка из г. Горького, далее перечислявшая долговременные перебои с основными продуктами питания и предметами первой необходимости в провинциальных городах страны (письмо датировано ноябрем 1938 г.) [17].

Очевидно, что в большинстве случаев простых советских граждан до писем вождям «доводили» вполне конкретные тяготы, которые они характеризовали как «кошмар», «погибель», «непосильное» существование, «сплошной ужас». Это могли быть тяжелые материальные условия жизни (имевшие затяжной характер либо дошедшие до кризиса) или безысходная личная ситуация (например, связанная с арестом родного человека, признанием его «врагом народа»), нарушавшая нормальное течение жизни семьи по многим параметрам. Однако Ш. Фицпатрик обращает внимание и на то, что в посланиях вождям «кроме множества выражений горя в различных контекстах, при описании разного рода событий встречается и выражение эмоциональных состояний, не связанных с какими-либо событиями – меланхолии и сильного томления, которое по-русски называется тоска» [18].

В то же время в письмах властям (особенно в тех, что направлялись вождям – И.В. Сталину, В.М. Молотову, М.И. Калинину и др.) присутствуют выражения любви, даже описания «счастливого» состояния авторов. Хотя такие сюжеты вызывают объяснимые сомнения в искренности, а порой представляются лицемерными, тем не менее, любые положительные эмоциональные послы заслуживают внимательного рассмотрения. На контрасте со свидетельствами о мрачной и безрадостной повседневности 1930-х (а именно такие доминируют) позитивно окрашенные «высказывания» приоткрывают завесу над тем, каким образом мыслилось и осваивалось советскими людьми эмотивное состояние «счастье». Это тем более важно выяснить, поскольку жить людям сталинской эпохи приходилось в условиях чрезвычайных и трагических (плохо совместимых с традиционными представлениями о благополучной жизни), да и официальный дискурс связывал «счастье» с будущим [19], а не с настоящим.

Согласно нашему исследованию эмоционального содержания писем вождям из провинциальных городов СССР выяснилось, что мечтой массы советских людей в предвоенное десятилетие была некая «радостная жизнь» [20]. О своем горячем желании именно такого образа жизни либо четко определенных «радостей» неустанно твердили в письмах взрослые и дети (причем даже в самых печальных посланиях, описывающих

практически безысходные ситуации, находилось место словам об искомой «радости»), и это представляется не случайным. Если осознание счастья оказывалось для советского человека достаточно проблематичным (Ш. Фицпатрик), то радость, похоже, претендовала быть тем приближающим (имитирующим, или даже предвкушающим) счастье состоянием, теоретические шансы на реализацию которого у каждого жителя СССР все-таки были.

«Запрос» на радость, безусловно, во многом опирался на известное сталинское разрешение радоваться жизни (выше оно уже было упомянуто), безапелляционно возведенное в 1935 г. на Первом всесоюзном совещании стахановцев. Как замечает Е.А. Осокина, в этой новой партийной линии облик процветающего гражданина должен был стать символом процветающей страны, и именно такую тональность попытался задать Сталин второй половине 1930-х годов [21]. Разумеется, соответствие данному тренду автоматически становилось приоритетом советских людей, уже хотя бы потому, что, по горькой иронии (и «опережающему» время самоощущению вождя, которое, как нам уже известно, было донельзя искажено), Сталин выразил свою мысль в прошедшем времени, в уже свершившейся форме. Кроме того, «эмотивное состояние “счастье” воспринималось в Советском Союзе как своего рода гражданский долг, а отсутствие такого состояния могло означать неблагодарность или даже предательство своего благодетеля-государства» [22]. Поскольку же счастье только брезжило в будущем, «радость» оказывалась необыкновенно востребованной эмоцией (по крайней мере, гипотетически доступной), представление о которой варьировалось от туманной размытости до предельной конкретности; в последнем случае «радости» даже поддавались счету.

Проиллюстрировать обозначенную тенденцию могут, к примеру, письма во власть от детей. Здесь стоит начать с того, что получение ответного письма от облеченного властью адресата как можно более высокого статуса занимало важное место в иерархии доступных советскому человеку «радостей»; в этом переживании взрослые корреспонденты не уступали детям (в смысле, такому повороту событий они «радовались как дети»). Что касается непосредственно детей, то мы однажды уже цитировали замечательную записку третьеклассницы Раи Дударевой В.М. Молотову, где девочка признавалась вождю, что любит его «...и всех вождей как вкусную конфетку». На это заявление, которым, собственно, и исчерпывался смысл послания, Рая, конечно, ожидала ответ [23].

Воспитанники детского дома в своем коллективном письме Ю.М. Кагановичу от 27.02.1935 г. трепетно перебирали «радости», которые обрушились на них за последнее время. Это и ответ на их послание крупного советского партийного и государственного деятеля, знаменитого врача Н.А. Семашко (отряд его имени был недавно организован в детдоме, что и явилось импульсом к написанию письма), и высылка «дорогим Николаем Александровичем» в подарок детдомовцам шелкового отрядного знамени и горна. Как сообщают Кагановичу дети, «за этим последовали сразу пять (5) радостей»: «...Зав[едующий детдомом] купил нам 12 венских стульев. Председатель горсовета подарил на стену к мягкой кушетке – ковер. Райдеткомиссия купила патефон (только мало пластинок всего 6), а т[оварищ] Буслаев решил нас сфотографировать и счастливых нас послать Семашко. <...> Не успели мы опомниться от этих радостей, как на 3-й день получаем посылку от крайкома комсомола, игры для октябрят» [24].

В корреспонденции вождей трагические письма от детей встречаются отнюдь не реже, но и там находится место характерным «радостным» ожиданиям. В частности, показателен настрой сыновей жителя г. Харькова П.И. Синевича, осужденного на восемь лет и уже около двух лет отбывавшего наказание на Дальнем Востоке. В письме от 12.03.1938 г., адресованном Н.К. Крупской, мальчики обрисовывали свое бедственное положение: «Мы ходим в школу голые, босые, страшно голодаем. Ведь причем мы, что нашего папу посадили. Мы сейчас занимаем угол – платим 25 рублей. Мама ходит по чужим людям, стирает белье, дабы дать что-нибудь покушать. Мы смотрим на мальчиков, которые ходят с нами в одну школу: они все одетые и обутые, и радостно и весело живут. Мы также хотим жить весело и радостно, как наш любимый родной Сталин». Разрешение своей проблемы Жора и Женя видели в отправке их с матерью к отцу, о чем и просили Крупскую: «...чтобы мы были вместе, и мы надеемся, что Вы создадите счастливую радостную жизнь» [25]. Из многократного повторения слов о «радостной жизни» на протяжении письма не трудно представить себе мечту обездоленных детей Синевича. Она сводится к воссоединению семьи

и преодолению крайней нищеты. Исходя из содержания корреспонденции во власть, превалируют именно такие случаи, когда разговор о «радостях» подразумевает обретение нормальных условий существования, а не нечто выходящее за рамки обыденности.

Заключение

Итак, посредством корреспонденции вождям, советские люди не только делились с ними негативными эмоциями по поводу недостатков окружающей действительности и своего незавидного в ней положения, но также, целенаправленно или попутно, рассказывали им о своих мечтах. Важное, едва ли не центральное, место среди последних занимала так называемая «радость», которая, как следует из писем, была в сильном дефиците. По сути, «радость» подразумевала прорыв в лучшие обстоятельства повседневного существования (с учетом конкретики проблем автора письма и/или его близких). Мыслями о «радостной» мечте люди делились с вождями-небожителями прежде всего потому, что с помощью писем пытались достучаться до них и донести, наконец, насколько далеки идеалы от своего свершения, насколько их реальная повседневность расходится с рапортами на съездах и в советской печати. Примечательно, что трансформации наполнения понятия «радостная жизнь» (всегда, впрочем, с современных позиций, скромного, непритязательного) зависели от того, чего на данный момент решила лишиться партия зависимых от ее политики граждан. На старте 1930-х гг. в недостатке были хлеб и другие продукты, а во второй их половине представления о радости и счастье связывались многими с нормальным существованием в полных, не обездоленных репрессиями, семьях.

По словам Ш. Фицпатрик, у историка, изучающего эмоции, кроме возможности наблюдения за их проявлением людьми, есть только один путь – «прочитать то, что написано в дневниках, письмах и мемуарах и проанализировать языковые особенности, учитывая, как определенные внешние условия влияют на выражение эмоций» [26]. Документы, раскрывающие механизмы взаимоотношений власти и общества (а это, в том числе, рассмотренные в данной статье письма советских граждан во властные структуры, относящиеся к предвоенному десятилетию), в большой мере отвечают такому направлению научных изысканий как история эмоций. Их потенциал связан с тем, что в данном комплексе источников отражаются как навязанные извне, вольно или невольно присвоенные советскими людьми в процессе их идеологической обработки, эмоции, так и те, которые возникали в их реальной жизни на основе реальных же ее условий, обстоятельств, проблем.

Примечания:

1. Кулаков А.А. Общество и власть 30-х годов XX века: региональный уровень взаимоотношений // Общество и власть. Российская провинция. 1930 г. июнь 1941 г. Т.2. М.: ИРИ РАН, 2005. С. 5.
2. Там же. С. 6.
3. Хархордин О.В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2002. С. 201, 218.
4. Там же. С. 339, 347.
5. Reddy William The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge: Cambridge UP, 2001. P. 128–129.
6. Розенвейн Б. Как и зачем изучать историю эмоций? URL: <https://eu.spb.ru/news/13803-kak-i-zachem-izuchat-istoriyu-emotsij> (дата обращения: 3.05.2016)
7. Письма во власть. 1928–1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям. М.: РОССПЭН, 2002. С. 6.
8. Абракова Т.А. Личность и власть. Письма и обращения граждан // Общество и власть. Российская провинция. 1930 г. июнь 1941 г. Т.2. М.: ИРИ РАН, 2005. С. 1025, 1026.
9. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: РОССПЭН, 1999. С. 204.
10. Письма во власть... М., 2002. С. 277.
11. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2008. С. 210.

12. Там же. С. 212.
13. Письма во власть... М., 2002. С. 7.
14. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм... М., 2008. С. 211.
15. Осокина Е.А. За фасадом... М., 1999. С. 196.
16. Там же. С. 204.
17. Письма во власть... М., 2002. С. 424.
18. Фицпатрик Ш. Счастье и тоска: исторический очерк о выражении эмоций в предвоенной России // Политическая лингвистика. 2014. № 1(47). С. 285.
19. Там же.
20. Тажидинова И.Г. «Мы также хотим жить радостно, как наш любимый Сталин»: эмоциональный срез писем вождям из провинциальных городов СССР (1930-е гг.) // Русская старина. 2014. № 1. С. 47–60.
21. Осокина Е.А. За фасадом... М., 1999. С. 173.
22. Фицпатрик Ш. Счастье и тоска: исторический очерк о выражении эмоций в предвоенной России // Политическая лингвистика. 2014. № 1(47). С. 286.
23. Письма во власть... М., 2002. С. 407.
24. Общество и власть. Российская провинция. 1930 г. июнь 1941 г. Т.2. М.: ИРИ РАН, 2005. С. 1036, 1037.
25. Письма во власть... М., 2002. С. 407–408.
26. Фицпатрик Ш. Счастье и тоска: исторический очерк о выражении эмоций в предвоенной России // Политическая лингвистика. 2014. № 1(47). С. 284.

References:

1. Kulakov A.A. Obshchestvo i vlast' 30-kh godov KhKh veka: regional'nyi uroven' vzaimootnosheniya // Obshchestvo i vlast'. Rossiiskaya provintsiya. 1930 g. iyun' 1941 g. T.2. M.: IRI RAN, 2005. S. 5.
2. Там же. С. 6.
3. Kharkhordin O.V. Oblichat' i litsemerit': genealogiya rossiiskoi lichnosti. SPb; M.: Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge: Letnii sad, 2002. S. 201, 218.
4. Там же. С. 339, 347.
5. Reddy William The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge: Cambridge UP, 2001. R. 128–129.
6. Rozenvein B. Kak i zachem izuchat' istoriyu emotsii? URL: <https://eu.spb.ru/news/13803-kak-i-zachem-izuchat-istoriyu-emotsij> (data obrashcheniya: 3.05.2016)
7. Pis'ma vo vlast'. 1928–1939: Zayavleniya, zhaloby, donosy, pis'ma v gosudarstvennyye struktury i sovetskim vozhdyam. M.:ROSSPEN, 2002. S. 6.
8. Abrakova T.A. Lichnost' i vlast'. Pis'ma i obrashcheniya grazhdan // Obshchestvo i vlast'. Rossiiskaya provintsiya. 1930 g. iyun' 1941 g. T.2. M.: IRI RAN, 2005. S. 1025, 1026.
9. Osokina E.A. Za fasadom «stalinskogo izobiliya»: Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. 1927–1941. M.: ROSSPEN, 1999. S. 204.
10. Pis'ma vo vlast'... М., 2002. С. 277.
11. Fitspatrik Sh. Povsednevnyi stalinizm. Sotsial'naya istoriya Sovetskoi Rossii v 30-e gody: gorod. M.: ROSSPEN, 2008. S. 210.
12. Там же. С. 212.
13. Pis'ma vo vlast'... М., 2002. С. 7.
14. Fitspatrik Sh. Povsednevnyi stalinizm... М., 2008. С. 211.
15. Osokina E.A. Za fasadom... М., 1999. С. 196.
16. Там же. С. 204.
17. Pis'ma vo vlast'... М., 2002. С. 424.
18. Fitspatrik Sh. Schast'e i toska: istoricheskii ocherk o vyrazhenii emotsii v predvoennoi Rossii // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 1(47). С. 285.
19. Там же.
20. Tazhidinova I.G. «My takzhe khochem zhit' radostno, kak nash lyubimyi Stalin»: emotsional'nyi srez pisem vozhdyam iz provintsial'nykh gorodov SSSR (1930-e gg.) // Russkaya starina. 2014. № 1. С. 47–60.

21. Osokina E.A. Za fasadom... M., 1999. S. 173.
22. Fitspatrik Sh. Schast'e i toska: istoricheskii ocherk o vyrazhenii emotsii v predvoennoi Rossii // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 1(47). S. 286.
23. Pis'ma vo vlast'... M., 2002. S. 407.
24. Obshchestvo i vlast'. Rossiiskaya provintsiya. 1930 g. iyun' 1941 g. T.2. M.: IRI RAN, 2005. S. 1036, 1037.
25. Pis'ma vo vlast'... M., 2002. S. 407–408.
26. Fitspatrik Sh. Schast'e i toska: istoricheskii ocherk o vyrazhenii emotsii v predvoennoi Rossii // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 1(47). S. 284.

УДК 94(47) «1931/1939»

Письма во власть: потенциал для изучения истории эмоций сталинской эпохи

Ирина Геннадьевна Тажидинова

Кубанский государственный университет, Российская Федерация
350063 г. Краснодар, ул. Кубанская Набережная, 4
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: tajidinova@yandex.ru

Аннотация. Повышение интереса к исследованию эмоций в российской исторической науке требует уточнения источниковой базы. В данной статье анализируются возможности писем советских граждан во власть для изучения «эмоциональной истории» сталинской эпохи. Основное внимание уделено корреспонденции, которую получали вожди (В.М. Молотов, М.И. Калинин и др.) от провинциальных горожан в 1930-е годы. Посредством писем вождям советские люди не только делились с ними негативными эмоциями по поводу недостатков окружающей действительности и своего незавидного в ней положения, но также, целенаправленно или попутно, рассказывали им о своих мечтах. Важное место среди них занимала так называемая «радость», которая, как следует из писем, была в большом дефиците.

Ключевые слова: история эмоций, эпистолярные источники, предвоенное десятилетие, советские люди, вожди, повседневность, эмоциональные переживания, горе, счастье, радость.